
Александр Отливанчик*

**ПОЛЬСКО-РУССКАЯ РАСПРЯ
НА БЕЛОРУССКОЙ ЗЕМЛЕ (1863 г.).
ПОЗИЦИЯ ЖУРНАЛА БРАТЬЕВ ДОСТОЕВСКИХ «ВРЕМЯ»**

В Национальной библиотеке Беларуси имеется комплект петербургского журнала «Время». В экземпляре 4-го номера за 1863 г. под окончанием статьи Н.Н. Страхова «Роковой вопрос» можно разобрать чью-то рукописную пометку, сделанную, очевидно, еще 140 лет назад: «За эту статью журнал по Высочайшему повелению запрещен».

За что же закрыт первый журнал братьев Федора и Михаила Достоевских? И какую роль в этой истории сыграли события, развернувшиеся тогда в белорусском («Северо-Западном») крае Российской Империи?

Вопрос этот, к слову, запутанный, «нелюбимый» литературоведами. Резкое выступление умеренно-либерального журнала Достоевского против линии «Московских ведомостей» М.Н. Каткова немного удивило уже современников писателя. Правда, **всего за месяц** до грозных событий во «Времени» выходят воспоминания Ф.М. Достоевского о поляках — товарищах по каторге в «Записках из Мертвого дома»; но это, конечно, еще не свидетельство симпатий романиста к Польше.

Попробуем разобраться...

* Отливанчик Александр Владимирович, аспирант факультета журналистики Белорусского государственного университета, преподаватель истории журналистики.

Восстание за восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г. началось в Варшаве в ночь на 23 января 1863 г. Ни в «северо-западных» губерниях, ни даже в Привислинском крае до «общенародной борьбы» дело не дошло. Взаимная жестокость инсургентов и их усмирителей привела к трагическим событиям в Белоруссии, где большинство крестьян равнодушно смотрело на борьбу повстанцев. Иные детали кровавой распри мало известны и сегодня. Мы знаем о муравьевских «репрессалиях» — но кто из наших современников читал известия в петербургской или московской прессе 1863 г. о казенных поляках белорусских мужиках, повешенных православных священниках или о расстрелах безоружных пленных?!

Российская печать, обвиняя инсургентов в жестоких расправах, в свою очередь взывала к «мести народной». По отзывам беспристрастных наблюдателей события, «патриоты» теряли «всякое нравственное достоинство» в глумлении над побежденным и слабым противником. Уроженец Белоруссии известный юрист В.Д. Спасович (1829–1906) вспоминал позднее: «<...> Национальное чувство сказалось с обеих сторон столь энергически и сильно, что с близкими знакомыми нельзя было рассуждать спокойно»¹.

Требовалось известное мужество, чтобы в этой обстановке пойти против воинствующей полонофобии большинства изданий и попытаться объективно взглянуть на разгоревшийся конфликт. Это мужество проявила редакция журнала «Время».

Автор «крамольной» статьи Н.Н. Страхов — близкий знакомый Достоевского и постоянный сотрудник «Времени». Материал «Роковой вопрос» построен необычно: в статье нет ни одной подробности «текущего момента», ни одной вести из района боевых действий. Вообще в ней напрасно искать комментариев политического аналитика; перед нами совсем другое — «предыстория» событий в интерпретации вдумчивого культуролога и философа.

Автор обращает внимание на «существенную черту» конфликта. Восстав за независимость, поляки видят в своей «войне» и борьбу за дело цивилизации. Откровенно, не боясь преследований за сказанное, Н.Н. Страхов раскрывает «глубокие и чистые источники» борьбы повстанцев и ее «бесконечно героический характер». Горечью проникнуто обращение к полякам: «Несчастный народ! Как сильно ты должен чувствовать всю несоразмерность твоего положения с твоим высоким понятием о себе! Чем выше твоя цивилизация, <...> чем яснее для тебя и для других твои достоинства, тем глубже тебе

приходится страдать, тем невыносимее для тебя какой бы то ни было перевес на стороне твоих менее цивилизованных соперников. Твоя высокая культура есть для тебя наказание»².

Польша принадлежит «великому западу, составляющему вершину человечества и содержащему в себе центральный ток человеческой истории»³. Эта констатация предваряет глубокий исторический экскурс. Сравнительный анализ двух культур — польской и восточнославянской — позволяет вскрыть причины издавна конфликтных «польско-русских» отношений, в контексте которых и события 1863 г. — отнюдь не случайность.

Проследим за логикой публициста. Польша всегда развивалась наравне с остальной Европой. Уже в средневековье заметны успехи в ее духовной жизни. Сохранившиеся известия о польской аристократии XV и XVI веков — «самой блестящей» и «самой ученой в Европе», «изумительно богатая» ренессансная польская литература говорят нам об этом. В одно царствование Сигизмунда III (по данным И.В. Киреевского) «блистало 711 известных литературных имен и более чем в восьмидесяти городах беспрестанно работали типографии»⁴, на польский язык переводились древние классики и писатели Возрождения... Под современниками А. Мицкевича и И. Лелевеля — богатейший и многослойный культурный фундамент.

На контрасте с западным соседом ставится тяжелый вопрос о себе: «Что такое мы, русские?». Страхов призывает соотечественников «не обманывать себя», отнестись критически к своему духовному наследию. «Наша нынешняя цивилизация, наша наука, литература и пр. — всё это едва имеет историю». Мы сами чувствуем, как много справедливого в «высокомерных» взглядах, которыми нас награждает Западная Европа. «Нравственное значение» России несоразмерно ее «государственной силе»; возможно, в обществе налицо «зачатки болезни, которая некогда разрушит громадное тело» империи⁵.

Поляки с древних времен исполняли миссию цивилизованного народа в славянстве. Само их стремление ассимилировать восточных соседей можно рассматривать как попытку распространить на «варварские» (в глазах поляка) племена «блага европейской цивилизации». В накаленной атмосфере 1863 года Н. Страхов не поминал Польшу жестоких методов приобщения Белоруссии и Украины к «высокой культуре». Так или иначе, исторический процесс совершился. Восточнославянские земли былой Речи

Посполитой — «не одно вещественное ее достояние», но и «ее умственное завоевание»⁶. Без сомнения, полонизация Украины и Белоруссии продолжится в случае отпадения Польши в границах 1772 года.

Вывод Страхова о склонности «полонизма» к культурной экспансии на восток основывался на бесспорных фактах. Он может быть дополнен свидетельствами белорусов — современников публициста о безраздельном господстве польской культуры в шляхетской и разночинной среде Северо-Западного края. В.Д. Спасович так вспоминает в 1881 г. о своем минском детстве: «Я учился в школе (минской гимназии) с обязательным по всем предметам русским языком, но воспитание получил польское, <...> образованная часть местного общества в среднем его классе, к которому принадлежал отец мой, лекарь, была чисто польская. Вне этого общества, общающаяся с ним, но не сливаясь, стояли высшие чиновники местной администрации, меняющиеся часто, кочующие, не пускающие корней»⁷. О минчанах-белорусах автор и не упоминает. Так же дело обстоит в Вильне, по словам корреспондента газеты И.С. Аксакова «День» (1864): «<...> В Вильне до сих пор нет ни одного русского врача (за исключением, конечно, полковых), ни книгопродавца, ни содержателя типографии, гостиницы или кофейной и вообще, за вычетом 2–3-х портных, ни одного русского ремесленника», «на каждом шагу чувствуется потребность если не говорить, то, по крайней мере, понимать по-польски»⁸. Язык католического «панства» давно проник даже в среду... православного белорусского духовенства. Он нередко слышен в церкви во время литургии и исповеди, по-польски разговаривает священник в своем домашнем быту. Белорусские чиновники не шляхетского происхождения «совершенно верны своей национальности», но занимают незначительные должности по службе⁹.

В 1863 г. огромное большинство (82%) численности «белорусских» повстанцев составляют именно ополяченные дворяне и разночинцы.

Итак, Н. Страховым загнута близкая нам и теперь проблема сложных межэтнических отношений на порубежье западного и восточного славянства. Она вышла далеко за рамки эпохи 1860-х годов и «благополучно» дожила до настоящего времени (яркий пример — «растворение» сотен тысяч белорусов Белосточчины в польской нации на протяжении 2-й половины XX в.). Публицист

«Времени» справедливо замечал, что в «польский вопрос» «входит всюю своею тяжестью понятие цивилизации; перед этим понятием отступает на задний план идея самобытных народностей»¹⁰. Какой выход предлагал Н. Страхов для России эпохи Александра II? По мнению журналиста, конфликтное соседство польского и «русского» этносов ставит перед государством и обществом сложную задачу. Нужно на деле доказать Польше, что ее соперник — не «азиатское варварство», а другая цивилизация. Защищая восточнославянские области, «мы будем правы **только тогда**, если этим самым приобщаем их к тому великому развитию, в котором одном они могут достигнуть своего истинного блага»¹¹. Настаивая на согласии местных «духовных сил» с новыми («прогрессивными») формами жизни, автор призывал покончить с общественным застоєм в стране.

Статья «Роковой вопрос», в которой многим виделся дифирамб полякам, не выражала сочувствия делу повстанцев. Н. Страхов во все не слепо идеализировал «богатую» польскую культуру. В ней отмечен серьезный изъян: дисгармония между духовным миром аристократии и народными (самобытными) «началами». Элитарность польской цивилизации, по мнению автора, может заключать в себе огромный вред для народа: она очевидно разрушает национальное единство. Но в момент, когда обнажились «источники внутренней боли» поляков и русских, публицист старался не заострять внимания на слабых чертах чужой культуры; его статья свойственна очень мягкая и миролюбивая оценка всего польского. Духом примирения проникнута и концовка материала: «Пожелаем от всей души, чтобы при решении <...> рокового вопроса как можно меньше лилось крови двух родственных племен»¹².

«Патриотическая печать» питала в 1863 г. прямо противоположные чувства к полякам. Она враждебно реагирует на выступление журнала братьев Достоевских. Публикуется масса комментариев — от критики по существу до ругани и личных оскорблений. Анонимный автор «Вестника юго-западной и западной России» обвиняет журнал «Время» в «зверском ковырянье» в язвах России и сравнивает автора «Рокового вопроса» с Геростратом и Иудой¹³. Самым угрожающим выпадом против «Времени» становится небольшая заметка К.А. Петерсона в «Московских ведомостях». Озлобленный публицист выставляет Н.Н. Страхова «бандитом», наносящим жертве удары «с маской на лице» (20; 97). Это походит

на политический донос. Ф.М. Достоевский безошибочно улавливает опасность и берется за перо — пишет «Ответ редакции “Времени” на нападение “Московских ведомостей”». Но оправдываются самые худшие опасения. Цензурное ведомство тут же запрещает «Ответ» Достоевского; 24 мая 1863 г. по повелению Александра II прекращается издание журнала «Время». Мотивировка красноречива: за статью «неприличного и даже возмутительного содержания» «Роковой вопрос», идущую «прямо наперекор всем действиям правительства» и оскорбляющую народное чувство (20; 253–254).

Интересно, что в связи с польским восстанием в российской прессе 1863 г. фактически впервые был широко поднят белорусский вопрос. Нежелание большинства жителей края связать свои судьбы с возрожденной Речью Посполитой приветствовалось тогдашними публицистами. Россияне узнавали подробности долгой и непростой белорусской истории. В ряде публикаций чувствуется раскаяние авторов за долгое равнодушие официального Петербурга к судьбе близкого народа. Примечательно обращение к белорусскому духовному сословию, появившееся в славянофильской газете «День» (27 июля 1863 г.). Оно гласило: «Мы виноваты перед вами: простите нас. События раскрыли нам глаза, заслепленные польскою ложью, а вместе с тем раскрыли и всю бездну нашей вины. Мы, русское общество, как будто забыли про существование Белоруссии; мы долго, долго коснели в неведении о той глухой, безвестной, но тем не менее достославной, святой борьбе, которую вели белорусы за свою народность и веру <...> Какие высокие подвиги совершало ты, белорусское духовенство — бедное, угнетенное, сирое, лишенное всякой поддержки общественной и государственной <...>! Ты старалось уберечь и поддержать в народе до лучших времен <...> предания православия <...> И ты уберегло и поддержало» их. Твои подвиги совершались «в тишине и во мраке, без блеску и треску, без тех громких рукошлесканий, в которых приемлют себе земную мзду <...> ваши угнетатели поляки. Ваша борьба была тем труднее, что вы боролись честным оружием духа, шли нравственным христианским путем к чистой цели». Шляхетское сословие оплячилося и окатоличилось, но народ «духовным мечом» отстоял свою землю. «Хвала вам по всей России! Только теперь вполне начинаем мы здесь познавать всю меру добра, совершенного вами, всё достоинство ваших дел — удивляемся вам». Авторам обращения

представляется, как, «очищаясь, белорусский народ возрождается к новой жизни»¹⁴.

В публицистике Ф.М. Достоевского 1864 г. также можно уловить нотки сочувствия борьбе белорусов против инокультурного, западного влияния. В краю своих далеких предков, Данилы и Семена Артишевичей, владельцев Достоева, великий писатель видел примеры «народной веры в себя и в собственные силы», «залог жизнеспособности и энергии жизни» нации. «Без этой веры в себя не устоял бы, например, в продолжение веков белорусский народ и не спас бы себя никогда», — писал Достоевский в статье, которую поместил в № 8 (1864 г.) журнала «Эпоха» (20; 219).

Спустя десять лет после произошедших драматических событий — в 1873–74 гг. — Ф.М. Достоевский снова пробует себя в качестве редактора и возглавляет журнал «Гражданин». Молодое издание не раз возвращается к теме шляхетского восстания в Польше. Журнал откликается на публикацию романа В.В. Крестовского «Две силы», рассказывающего о событиях 1862–63 гг. на Гродненщине и в Варшаве, издание «Записок Н.В. Берга о польских заговорах и восстаниях», полемизирует по вопросу о Польше с В.Д. Спасовичем. Однако тон единомышленников Достоевского, «почвенников», заметно меняется. Прежде чем ответить на вопрос «почему», попытаемся понять основное «обвинение», которое авторы «Гражданина» бросали деятелям польского национального движения. Еще Н.Н. Страхов во «Времени» — пусть в мягкой форме — упрекал интеллигенцию Польши за «взгляд на народ, как на простой матерьял для культуры, как на грубую глину, которой форма от нее самой не зависит»¹⁵. Эта черта национального менталитета способствовала тогда созданию мифа о польской «образованности» как будто бы «антинародной». Русская традиция иначе соотносила понятия «народ», «интеллигенция» и «культура». Для самого Достоевского спасение России — в народе; народ выступает и как главный источник и хранитель ценностей культуры.

С этих же позиций Е.А. Белов в «Гражданине» горячо оспаривает «аристократический взгляд» образованных поляков на свою историю. Публицист призывает их «выкинуть из головы и сердца то презрение к народу, которое в старой Польше окрестило земледельцев именем “быдло”»¹⁶. Е. Белов приводит характерный пример глубокого социального раскола в Привислинском крае. «В 1863 г., рассказывал нам один поляк», отряд восставших пробрался

в Силезию и там искал «приюта у силезских крестьян, которые по р. Одер говорят польским наречием». Крестьяне не дали приюта повстанцам-беглецам. «Мы не ляхи, — отвечали они, — мы хлопцы». По мнению Е. Белова, «для поляка, понимающего дело, этот ответ — перевод Дантовой надписи над врагами ада:

Оставь надежду навсегда.

Если бы поляки поняли свою историю, они обратили бы взоры на запад, а не на восток»¹⁷ — на запад, где у них «под боком» области, населенные соплеменниками. Претензии же Варшавы на «восточные владения» основываются лишь на «помещичьем праве».

Но и к идее возрождения Польши в ее естественных этнических границах Е.А. Белов относится отрицательно, полагая, что «в соединении с Россией бывшего Польского Королевства лежал залог дальнейшего развития польской национальности»¹⁸. Эту позицию разделяют и другие авторы «Гражданина» 1873–74 гг.¹⁹. Характерно, что Н.Н. Страхов в 1863 г. думал иначе, допуская возможность, «когда бы Польша была независима». Дораздельная Речь Посполитая — всё же европейское государство с длинной историей. Может ли польский патриот когда-нибудь смириться с потерей независимости королевства? Это значило бы для него (кроме прочего) «отказаться от гордости своею цивилизациею» — что невозможно. «Ведь цивилизация входит в плоть и кровь человека; ведь недаром она высокое благо, честь и гордость исторических народов. Ничего нет странного, что за нее умирают, как за святыню»²⁰.

Свой компромиссный подход к вопросу русские «почвенники», как мы видим, не сохранили. Позднейшая речь Вл.С. Соловьева, произнесенная уже после смерти Достоевского в его память (1883 г.), позволяет нам понять и причину непоследовательности писателя и близких к нему публицистов в отношении Польши. Оратор утверждал, что для примирения с поляками мало «мирных чувств к противникам как к людям *вообще*» — они «люди совершенно *особенные*, с своим определенным характером, и для действительного примирения нужно глубокое понимание именно этого их особого характера — нужно обратиться к самому их духовному существу и отнестись к нему по-божьи»²¹. Вл. Соловьев говорил о глубоком уважении к польской национальной культуре, основанной на католической вере²². Оно помогло бы понять и принять заветный идеал поляков в гражданской, политической сфере.

Статья «Роковой вопрос» — великодушный жест «почвенников»

по отношению к участникам движения 1863 г. — остается уникальным фактом в легальной русской печати периода восстания. Но за этим первым движением к примирению не последовало — и не могло последовать — дальнейших шагов.

Примечания

¹ **Пыпин А.Н., Спасович В.Д.** История славянских литератур: В 2 т. (2-е изд.). — СПб., 1879–1881. — Т. II. 1881. — С. XXII–XXIII.

² Время. — 1863. — № 4. Отд. II. — С. 155.

³ Там же. — С. 154.

⁴ Там же. — С. 153–154.

⁵ Там же. — С. 154, 156, 160.

⁶ Там же. — С. 157.

⁷ **Пыпин А.Н., Спасович В.Д.** Указ. соч. — С. XXI–XXII.

⁸ День. — 1864. — № 1. — С. 15.

⁹ См.: День. — 1863. — № 34. — С. 12–13.

¹⁰ Время. — 1863. — № 4. Отд. II. — С. 158.

¹¹ Там же. — С. 161.

¹² Там же. — С. 163.

¹³ См.: Вестник юго-западной и западной России. — 1863. — Кн. 12. Отд. III. — С. 89, 135.

¹⁴ День. — 1863. — № 30. — С. 13.

¹⁵ Время. — 1863. — № 4. Отд. II. — С. 157.

¹⁶ Гражданин. — 1873. — № 28. — С. 787.

¹⁷ Там же. — С. 787–788.

¹⁸ Там же. — С. 787.

¹⁹ См., напр.: Там же. — № 4. — С. 96.

²⁰ Время. — 1863. — № 4. Отд. II. — С. 162–163.

²¹ **Соловьев Вл.С.** Три речи в память Достоевского (1881–1883 гг.). — М., 1884. — С. 45.

²² Эту мысль — конечно, полемичную по отношению к Достоевскому — оратор не направляет прямо против автора «Дневника писателя» — но, наоборот, почти приписывает ему. «Антидостоевская» суть идеи оправдания католичества от этого, разумеется, не меняется.